

Самоопределение или адаптация?*

Д.Л. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

Вопросы о характере ориентации и социального поведения современной российской молодежи являются, по-видимому, одними из существенных в проблематике нашей социологии. Пытаясь уяснить, что происходит с молодежью, в частности, в сфере образования, можно надеяться шаг за шагом приблизиться к ответам. В статье приведены эмпирические данные, которые получены в ходе реализации исследовательского проекта в Институте социологии Российской академии наук. Показаны различия в реакциях на изменения социальной ситуации, наблюдаемые у групп, обладающих значительными социальными ресурсами, и у групп, имеющих «более бедный» набор ресурсов.

Постановка задачи

В результате социальных изменений общего характера население стран Восточной Европы вынуждено влиться в новую реальность, проходя через социальный шок и модификацию поведенческих моделей [Штомпка 2001], для анализа которых в российском обществе наиболее точным и емким оказывается понятие «трансформационное поведение» [Заславская 2002, с. 509]. Способы, которыми разные группы российского общества реагируют на изменение социальной ситуации, неоднозначны, а реакция населения становится фактором социальных изменений. При этом различаются несколько классов стратегий в зависимости от того, какие функции они выполняют по отношению к самим акторам, а каждый из классов стратегий, в свою очередь, рассматривается с точки зрения функций, выполняемых в трансформации общества [Заславская 2002, с. 510—511]. Трансформационное поведение находит свое выражение, в частности, в ориентациях и социальном поведении молодежи, поскольку молодежь (едва ли кто-то с этим не согласится) наиболее чувствительная часть общества. Специфически это отражается в сфере образования.

Исследование социального поведения молодежи в образовательной сфере показывает, что в его формировании чрезвычайно велика роль внешних

* Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда, проект 00-03-00365. Используются также материалы, полученные в проекте, поддержанном РГНФ ранее, и в проекте, осуществленном в рамках программы Министерства образования РФ.

Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсу «Социология образования».

(по отношению к индивиду) факторов. По выражению В.Н. Шубкина, «не только мы сами выбираем себе путь, но и дороги выбирают нас» [Шубкин 1970, с. 44]. Внешние факторы влияют на ориентации молодежи, обуславливают важнейшие характеристики социального поведения. В те или иные отрезки времени явственно прослеживаются последствия определенных воздействий. Рассмотрение поведения молодежи на широком социальном фоне позволяет выявить, например, его взаимосвязи с демографическими волнами [Шубкин 1970], ситуацией в сфере образования [Константиновский, Шубкин 1977], изменением ценностных ориентации [Константиновский 1999].

На протяжении последних десятилетий на ориентации и социальное поведение молодежи в сфере образования существенное влияние оказывал комплекс факторов: политические перемены в стране, изменение способа принуждения к труду; трансформация ценностных ориентации общества, связанная с изменением общей ситуации; подвижки в престиже образования, квалифицированных профессий и роли образования в социальной мобильности; последствия экономического спада (резкое уменьшение спроса на рынке труда, снижение уровня жизни); замена установки на всеобщее среднее образование курсом на основное (неполное среднее) и среднее (полное) образование; плюрализация в образовательной сфере; внедрение платного обучения; формирование иерархии «элитных» и «дешевых» образовательных учреждений; усиление неравенства в сфере образования для молодежи разных регионов и для поселений, различных по уровню урбанизации. Прослеживалось влияние изменений конкурсной ситуации, проявлявшейся как интегральное воздействие прежде всего демографических процессов и перемен в структуре и функционировании системы образования. Изменчивость социальной ситуации обусловила динамичность социального поведения молодежи в сфере образования, особенно ярко проявившуюся в последние 10—15 лет в связи с глубокими трансформациями в стране.

Выработка и реализация стратегии трансформационного поведения требуют мобилизации ресурсов. Каждый индивид и каждая социальная группа используют свои социальные ресурсы при вхождении в меняющееся общество. Социальные ресурсы в этом случае понимаются как способность контролировать собственное существование и влиять на жизни других. Это — комбинация статуса семьи (социальное происхождение), места жительства, уровня образования, пола и т. д. [Ядов 2001].

Адаптация, в том числе и социальная, обычно понимается как приспособление к изменяющимся условиям, к новой среде. Самоопределение поначалу было, скорее, метафорой, выражавшей определенную меру активности в отношении среды и изменений, происходивших в ней. Тем не менее это слово оказалось весьма кстати, поскольку вполне внятно и корректно выражает то содержание, которое в него вкладывается при интерпретации социального поведения¹.

В чем сходство и в чем различие между адаптацией и самоопределением? Сходство заключается в том, что и первое, и второе означает реакцию на окру-

¹ Конечно, оно имеет иное значение, нежели самореализация (Self-actualization) у А. Маслоу.

Самоопределение или адаптация?

жение. Различие же состоит в том, что самоопределение подразумевает более активный ответ среде. Иначе говоря, адаптация преобладает, когда индивид или группа вынуждены или предпочитают подчиняться обстоятельствам, принимать их, даже если они неблагоприятны, т. е. следуют той формуле, которая убедительно отрицается в песне, исполняемой группой «Машина времени» — «прогибаться под изменчивый мир». Когда же индивид или группа владеют обстоятельствами, противостоят им или, более того, используют их в своих интересах, преобладает самоопределение. Можно заключить, что разница в том, насколько социальное поведение определяется внешней средой и в какой степени — индивидом.

Итак, самоопределение или адаптация? На этот вопрос однозначно нельзя ответить, независимо от того, о какой группе молодежи идет речь. Говорить о молодежи в целом некорректно, поскольку она сильно дифференцирована. Кроме того, в реальности нет самоопределения без адаптации, как и адаптации без самоопределения. Однако правомерно утверждать, что в трансформационном поведении индивида или группы преобладает либо самоопределение, либо адаптация.

По-видимому, можно представить себе некий континуум, на одном полюсе которого — явно выраженное адаптивное поведение, а на другом самоопределение. Модель трансформационного поведения индивида или группы в зависимости от факторов, определяющих социальную ситуацию, с одной стороны, и социальных ресурсов индивида или группы — с другой, тяготеет к той или иной позиции на этой непрерывной шкале. Едва ли имеющиеся сегодня методы анализа и возможности получения валидной информации дают возможность с точностью определить координаты социальной группы хотя бы в таком (одномерном) пространстве. Хотелось бы уяснить, по какую сторону от середины шкалы располагаются те или иные группы, ближе к какой из двух крайностей (адаптации либо самоопределению) их социальное поведение. Более реальная задача — сделать ревизию существующих данных и увидеть, насколько можно приблизиться к этому пониманию. Далее будут приведены некоторые из эмпирические материалы, дающие примеры самоопределения и адаптации². Пусть социология не в состоянии быть такой инструментальной, как, например, секстан для моряка, но социолог может попытаться предложить какую-то информацию для определения местоположения и курса и тем самым помочь пятнадцатилетним капитанам и прочим молодым (да и немолодым) людям понять, где они находятся в социальном пространстве.

² Исследовательский проект по социальным проблемам молодежи и образования реализуется с начала 1960-х годов под руководством д-ра филос. наук, проф. В.Н. Шубкина [Шубкин 1970; Константиновский, Шубкин 1977; Чередниченко, Шубкин 1985; Константиновский 1999].

Информационная база анализа (ревизия полученных данных)

Принятие решения о получении того или иного уровня общего образования

Данные государственной статистики и социологических исследований свидетельствуют о том, что в последние 10—15 лет в среднем образовании произошли значительные изменения. В частности, в школе увеличился «отсев» — убыль учеников за год, от класса к классу. «Отсев» был относительно мал и стабилен в начале 1980-х гг.; он интенсифицировался в 1986—1987 гг., когда стали ощущаться первые признаки экономических и социальных перемен в стране, и достиг максимума в начале 1990-х гг. В последние годы «отсев» уменьшился, но и теперь он в несколько раз превышает уровень 1980-х гг. Данные государственной статистики показывают, что когорта начала 1990-х гг. была охвачена общим образованием в существенно меньшей степени, чем когорта, представлявшая молодежь начала 1980-х гг. Даже неполное среднее образование, называемое теперь основным, в начале 1990-х гг. получила меньшая часть когорты, нежели в начале 1980-х [Константиновский 1999, с. 104—107]. Из «отсевов» в отдельных классах складывался весьма печальный итог: по опубликованным оценкам, 1,5—2 млн детей и подростков не работали и не учились [Положение молодежи в Российской Федерации 1996, с. 37].

«Отсев» (как было и с пополнением старших классов при массовизации общего образования в предшествующие годы) не может не носить социального характера. Данные обследований, проведенных в ходе реализации исследовательского проекта в разных регионах страны, в сопоставлении с данными переписей населения свидетельствуют, что перераспределение шансов на получение подростками полного общего среднего образования произошло в основном между рабочими и крестьянами, с одной стороны, и руководителями — с другой, в пользу последних. К ним присоединяются заявившие о себе дети мелких предпринимателей. Дети рабочих и крестьян стали «отсеиваться» из школ на предыдущих ступенях обучения в значительно большей мере, чем прежде. И в столице России, и в Новосибирске (крупнейшем центре на востоке страны, называемом столицей Сибири), и в Краснодаре (одной из наших южных столиц) в выпусках из полных средних школ преобладают дети из социальных групп, занимающих более высокое положение в социальной иерархии [Константиновский 1999, с. 79—101].

Итак, наблюдение за происходящим в сфере образования показывает кардинальные перемены, которые могут быть квалифицированы, как смена социальной поляризации молодежи, получающей аттестат зрелости в качестве мандата на дальнейшее продвижение и готовящейся занять ведущие позиции в завтрашнем обществе.

Эти перемены явились следствием снижения уровня жизни, безработицы, изменения престижа образования и профессий высокой квалификации, внедрения платного образования, воздействия других факторов. Учащиеся и их родители отреагировали на изменение общей социальной ситуации.

Самоопределение или адаптация?

Самоопределение это или в большей степени адаптация? Что преобладает при выборе стратегии социального поведения в сфере образования? Решение о целесообразности продолжения учебы в школе либо ухода из нее на различных ступенях обучения подростки и их родители принимают с учетом ряда причин. Среди прочего и шансы на получение определенного уровня образования в будущем, а также и соответствующих вознаграждений в более отдаленной перспективе.

Необходимо также учитывать, что существуют такие группы, в которых подростки и их родители не проявляют интереса (а потому и активности) к освоению ряда возможностей, предоставляемых системой образования. У них мотивация к достижению более высоких позиций в обществе либо отсутствует, либо они не ищут путей к достижению таких позиций посредством образования. Отношение к образованию, как показывает ряд исследований (например, [Нутан 1966]), связано со структурой ценностей, преобладающих в той или иной социальной группе.

Осознание неравенства при выборе стратегии поведения в сфере образования

Анкета для старшеклассников, которую мы использовали, содержит просьбу выразить отношение к нескольким десяткам профессий. Старшеклассникам предлагалось оценить в баллах привлекательность профессий, принадлежащих к различным сферам деятельности и требующих разного уровня образования [Шубкин 1970, с. 254—257; Константиновский 1999, с. 338—339]. Полученные данные позволили составить картину того, как отражается в сознании молодых людей мир профессий (и, следовательно, соответствующих им социальных статусов). Анкета содержала также вопросы о планах старшеклассников после окончания школы: учиться, работать или совмещать учебу с работой; если учиться, то в каком учебном заведении, по какой специальности.

Таким образом, мы получили возможность судить об aspirations старшеклассников по двум показателям. Один из них (отношение к профессиям, выраженное в оценках привлекательности) дает представление о том, какие варианты жизненной карьеры являются для старшеклассников наиболее желаемыми или предпочтительными³. На основании этой информации можно судить о молодежных предпочтениях, понимаемых как некий воображаемый выбор: наиболее привлекательными, по-видимому, казались профессии, которые молодые люди предпочли бы избрать для себя, если бы не было некоторых ограничений (материальные условия жизни, конкуренция со сверстниками, собственные способности, академическая успеваемость и прочие элементы реальности, выполняющие роль регуляторов). Другой показатель (намерения) предоставляет информацию о личных планах старшеклассников, которые они предполагают осуществить⁴.

³ Подобная интерпретация данных о престиже профессий содержится в [Нутан 1966].

⁴ И то и другое мы можем также интерпретировать как ориентации. Кроме того, первое представляет информацию о престиже профессий, а второе можно формулировать как ожидания.

Результаты обследований, осуществленных еще в 1960-х гг., а потом и позднее, показали, что привлекательность профессий для старшеклассников (выходцев из разных социальных групп) не одинакова. Чем выше статус и уровень образования родителей, тем более привлекательны для молодых людей занятия квалифицированного умственного труда, требующие высокого уровня образования. Вместе с тем направленность преимущественно на продолжение образования характерна для всех групп старшеклассников. Возможно, здесь сказывается и то, что школа выравнивает ориентации учащихся.

Наиболее ярко устремленность к продолжению образования как главная черта ориентации старшеклассников проявилась в 1990-х годах. Старшеклассники стали когортой, очень однородной по ориентациям (ведь это подростки, которые уже прошли жесткий отбор). Они добрались до завершающей школьной ступени не потому, например, что внедрялось (как это было раньше) всеобщее среднее образование. Они добились права сдавать выпускные экзамены в полной средней школе, чтобы продолжать двигаться дальше в сфере образования, подниматься выше. Во всех рассматриваемых нами группах почти одинаков набор профессий, которые представляются самыми привлекательными. Верхние ступени иерархии" принадлежат профессиям, среди которых преимущественно требующие высокого уровня образования — юрист, врач, научный работник-экономист, переводчик с иностранного языка, программист и др. Различия между ориентациями групп, конечно, есть. Так, дети рабочих и крестьян включили в этот список привлекательную для них профессию продавца. Однако в целом налицо единодушие старшеклассников, из каких бы семей они ни происходили. Например, лидеру привлекательности среди профессий — юридической — все группы старшеклассников дали в конце 1990-х годов от 8,4 до 8,9 баллов из 10 возможных. Словом, имеются полные основания утверждать, что все группы ориентированы на профессии, предполагающие получение высшего образования. Эти ориентации являются предпочтительными и распределены во всех рассматриваемых группах молодежи почти одинаково.

Что же касается ответов о планах старшеклассников, то в отличие от ответов о привлекательности профессий, эти данные менее однородны. Вузы — всегда главное направление в ориентациях тех, кто получает полное среднее образование. Иные учебные заведения избирают те, кто не попадает в число лидеров когорты. При этом в течение всех лет обследований фиксировалась дифференциация личных планов в зависимости от социально-профессионального статуса родителей: чем выше статус родителей, тем сильнее в планах выпускников проявлялась ориентация на высокий уровень образования.

В 1990-х гг. (при том, что предпочтения выровнены) дифференциация личных планов оказалась ярко выраженной. На рис. 1 наглядно показано, что доля планировавших поступить в вузы в той или иной группе молодежи тем больше, чем выше социально-профессиональный статус родителей. Среднее специальное и начальное профессиональное образование в первую очередь стремятся получить дети рабочих и крестьян. Такая зависимость наблюдается во всех регионах, где проводились обследования.

При формировании ориентации и социального поведения молодые люди делают последовательные шаги от абстракций к реальности, от преобладания предпочтений к синтезу факторов как «внутренних» (определяющих прежде

Самоопределение или адаптация?

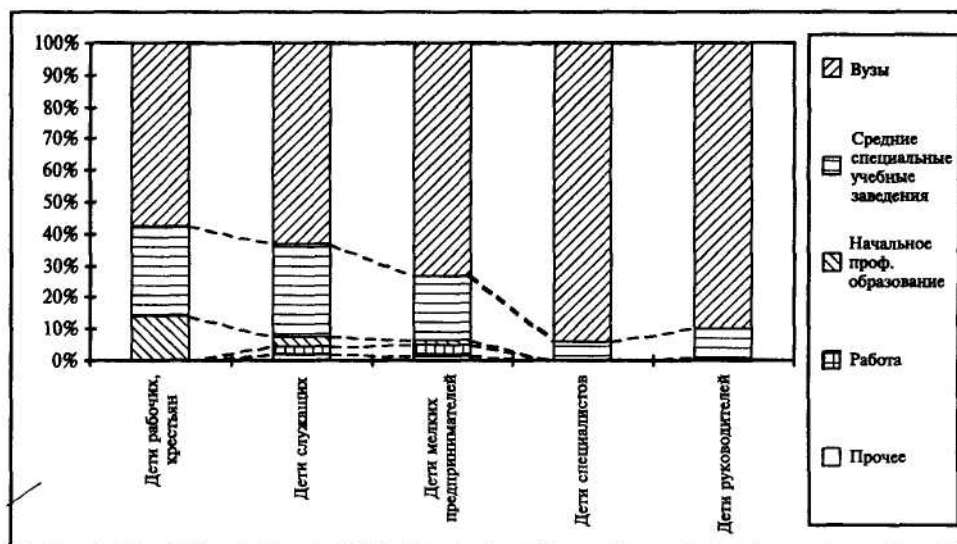

Рис. 1 Структура личных планов старшекласников Новосибирской обл., 1998 г., % к численности. Распределение по социально-профессиональному статусу родителей

всего характеристику личности), так и «внешних» (по отношению к индивиду, т. е. более связанных со средой, социумом в целом), осмысливаемых молодыми людьми применительно к собственной специфике⁵. При этом осознанно или интуитивно (на каждом шаге по-своему), не обладая полной информацией, индивиды неким образом «суммируют» доступные им данные, собственные и чужие оценки ситуации и в итоге отыскивают результирующую, которая определяет содержание выводов и вектор поступков при переходе от каждой предыдущей стадии формирования ориентации и социального поведения к каждой последующей. Остается добавить, что на любой стадии обнаруживают себя, конфликтуют, находят компромисс и переплетаются адаптация и самоопределение.

Полученные в ходе исследования результаты показали, что молодые люди при формировании планов на будущее корректируют свои устремления в соответствии со сложившимися представлениями о привлекательности профессий. Это позволяет предположить, что различия между предпочтениями и личными планами обусловлены не только различными склонностями подростков и т. п. Подойдя к окончанию средней школы и определяя свои планы на будущее, подростки вводят в рассмотрение существенные элементы реальности. Они вполне адекватно оценивают свои возможности (как на ближайшее время, так и на дальнюю жизненную перспективу) в той системе социальных отношений, в которой они вступают в самостоятельную жизнь, и часть молодых людей, адаптируясь и в тоже время самоопределяясь, понижают планку своих притязаний.

⁵Подобный подход содержится в [Ginzberg, GinzJburg, Axelrad, Herma 1954].

Формирование личных планов относительно выбора жизненного пути после окончания школы происходит на основе картины мира профессий, косвенно представляющих социальные статусы, при этом молодой человек должен в достаточной мере трезво учитывать реальность, в частности собственные возможности, шансы на получение того или иного уровня образования, той или иной специальности, а затем и соответствующей работы. На этом базисе личные планы яравомерно рассматривать как часть процесса социализации, и притом важную. Принимая во внимание результаты исследования, нельзя не признать, что на изучаемом этапе социализации подростки из групп, занимающих не верхние ступени в социальной иерархии, вынуждены в значительной мере осознать существующее неравенство, проявляющееся в образовательной сфере, и адаптировать в соответствии с этим свою жизненную стратегию к действительности: учет факторов реальности, в том числе и социального неравенства, определенно проявляется при переходе от предпочтений к формированию личных планов.

Такова категория акторов образования, занижающих планку своих ожиданий (и соответственно не проявляющих необходимой активности), поскольку они не надеются преодолеть препятствия в получении образования и(или), после получения его, соответствующих диплому социальных благ. Это те, кто не хочет дальнейших достижений в сфере образования потому, что не может преодолеть барьеры, или полагает, что не сможет их преодолеть. Здесь сказывается результат восприятия реальности (осознания и принятия ее). Молодые люди ставят перед собой цели, исходя из оценки существующего положения вещей. Есть мотивация к достижению более высоких позиций в обществе посредством образования, однако намерения корректируются осмыслением социальных барьеров. Координаты такой группы сдвигаются к той области социального пространства, куда ведет путь, отмеченный неким дорожным указателем, на котором начертано «адаптация».

Нельзя исключить и того, что еще при формировании в сознании предпочтений молодые люди учитывают регулирующие (по существу ограничительные) факторы реальности. Представляется обоснованным предположение, что часть молодых людей, особенно из страт, далеких от вершины социальной иерархии, принимая во внимание свои шансы на достижение тех или иных позиций в обществе, корректируют свои ориентации в сторону их занижения (в том числе в образовательной сфере) уже на стадии формирования предпочтений [Константиновский 2001].

«Экологические ниши» в сфере образования для различных групп молодежи

В ходе исследования были произведены расчеты показателей, которые позволяют судить об ориентациях и социальном поведении в сфере образования разных групп выпускников школ, обладающих различными социальными ресурсами. Исходя из возможностей получения информации учитывались следующие виды ресурсов: социальный статус родителей (дети руководителей высокого, среднего и низкого рангов — региональных, производственных и др.); дети специалистов (лиц высококвалифицированного умственного труда, имеющих

Самоопределение или адаптация?

высшее образование, но не занимающих руководящих должностей); дети служащих (работников преимущественно умственного труда, не выполняющих управленческих функций, имеющих среднее образование, общее или специальное); дети рабочих и крестьян (лиц преимущественно физического труда, не требующего высокого уровня образования и не связанного с управлением); место жительства (областной центр; средние города; мелкие города и поселки; села); пол подростка. Для расчетов был использован метод детерминационного анализа [Чесноков 1982].

Данные были получены для 32 групп. Для каждой группы имелась информация о личных планах перед окончанием школы и о реальных шагах, которые удалось сделать подросткам после ее окончания. Использовалась и возможность сравнить личные планы и реальные шаги, что позволяло судить о степени реализации первых. Исследования проводились в течение нескольких этапов (1960-е, 1980-е и 1990-е годы), что позволило изучать процессы в динамике, оценивать страте/ии различных групп в зависимости от обстоятельств, определяющих формирование этих стратегий.

Проанализируем динамику первых шагов после школы двух групп выпускников, находящихся в полярно противоположных стартовых условиях — сравнительно успешной в освоении предоставляемых обществом потенциальных возможностей и группы-аутсайдера. Это поможет уяснить, как складывались судьбы молодых людей из других групп, расположенных как бы на промежуточных позициях.

Вполне типичный пример «сильной» группы — дочери руководителей из областного центра. На рис. 2 можно видеть первые жизненные шаги девушек этой группы после окончания школы. Как бы ни изменялась ситуация, большинство из них поступали в вузы, гораздо меньшая доля — в средние специальные учебные заведения. Совсем редко они выбирали учреждения начального профессионального образования.

Типичный пример «слабой» группы — дочери крестьян (девушки, окончившие школу в селах; родители — крестьяне). Первые жизненные шаги девушек этой группы после окончания школы показаны на рис. 3. Видно, что в любой год, при любой ситуации в вузы поступали их весьма малая часть. Большинство выбирали средние специальные учебные заведения и учреждения начального профессионального образования. В 1960-х годах группа потерпела большую неудачу, пытаясь поступить в вузы, поэтому так много девушек пошли работать после окончания школы. Затем, по-видимому, группа как бы нашла свою нишу в системе образования, осознала, какой канал получения профессии ей доступен, на какой уровень квалификации следует ориентироваться в соответствии с ситуациями и в образовательной сфере, и на рынке труда. Группа была вытеснена в образовательные каналы, дающие более низкий уровень квалификации, чем высшее образование. И девушки стали поступать главным образом не в вузы, а в средние специальные учебные заведения начального профессионального образования.

Таковы два примера социального поведения: в одном преимущественно выразилось самоопределение, в другом — явно адаптационные тенденции.

Показательно, какова доля каждой из этих групп в выпуске из школы и в приеме в вузы в год окончания школы. Как бы ни менялась ситуация, доля

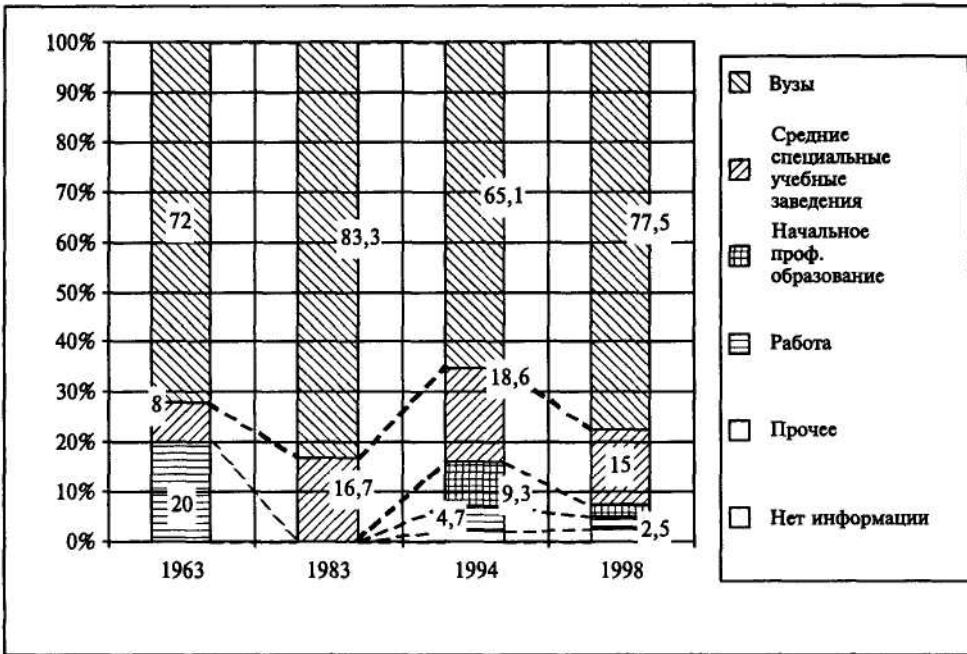

Рис. 2 Динамика действительного поведения выпускниц школ г. Новосибирска, дочерей руководителей, % к численности групп

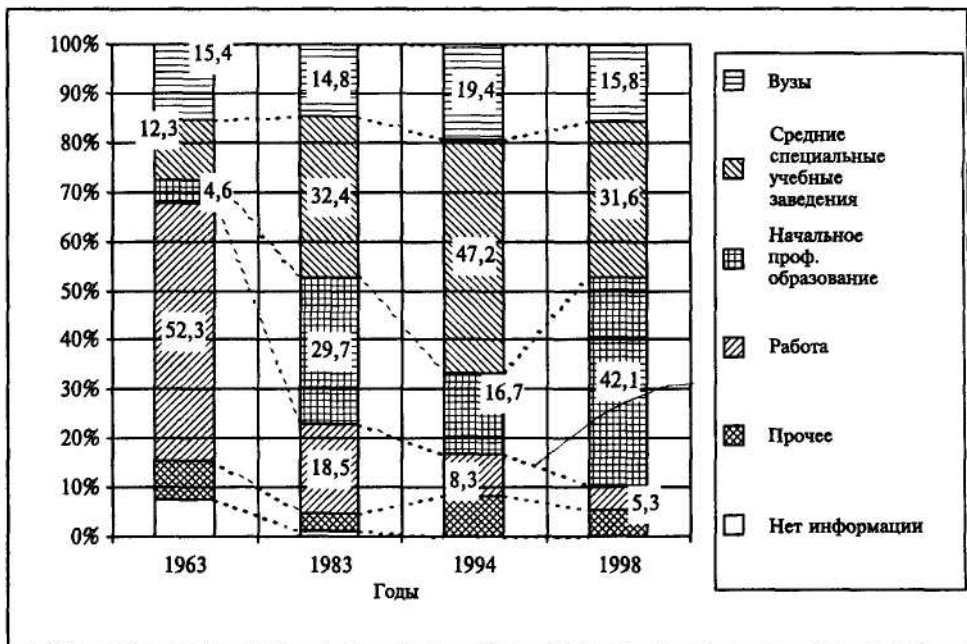

Рис. 3 Динамика действительного поведения выпускниц сельских школ Новосибирской области, дочерей крестьян, % к численности групп

Самоопределение или адаптация?

группы дочерей руководителей из областного центра среди поступивших в вузы в год окончания школы больше ее доли в общем выпуске из школы. Эта группа была успешнее некоторых других групп при поступлении в вузы. Соответственно доля группы дочерей крестьян среди поступивших в вузы в год окончания школы была меньше ее доли в общем выпуске из школы. Эта группа была менее успешной в поступлении в вузы, чем некоторые другие группы. В итоге за счет нее и других «слабых» групп были успешнее «сильные» группы.

Приводимые диаграммы показывают роль различных составляющих ресурса групп в том, как складываются жизненные карьеры выпускников школ. На рис. 4 видно, что социальные ресурсы группы дочерей руководителей из областного центра во все годы обеспечивали им большие шансы, чем у среднего выпускника школ области. На рис. 5 видно, что любое из свойств дочерей крестьян понижало их шансы по сравнению со средними данными для всей совокупности выпускников школ области на протяжении всех этапов исследования. Об этом говорит динамика показателей и для детей рабочих и крестьян региона, и для выпускников сельских школ, и для сельских выпускников, являющихся выходцами из крестьянских семей [Константиновский 2000, с. 192—196].

Принятие решения о времени поступления в вуз

Используем условный показатель конкурсной ситуации на входе в сферу высшего образования. В качестве такого показателя принимаем соотношение между выпуском из дневных средних школ в том или ином году и приемом на дневные отделения высших учебных заведений. Основанием для выбора данного показателя служит то, что дневное отделение вузов — наиболее массовое (более половины всего приема в вузы) и наиболее популярное (где возникает максимальная конкуренция между абитуриентами). Основная масса претендентов и победителей конкурса на места здесь — именно «свежие» выпускники школ (более трех четвертей и подающих заявления, и зачисленных).

Рассмотрим динамику этого показателя. Для 1960 и 1965 гг. по России он равен 2 (дневные отделения вузов республики могли принять каждого второго выпускника дневных средних школ). Между этими двумя точками расположены еще более низкие величины показателя, еще более благоприятная конкурсная ситуация для юношей и девушек, заканчивавших школу. В 1962 г. вузы СССР могли принять на дневные отделения почти столько же молодых людей, сколько заканчивало дневные средние школы (величина показателя — 1,2). Но в 1965 г. по СССР в целом и отдельно по Российской Федерации дневные отделения вузов могли принять только одного из двух молодых людей, закончивших дневную среднюю школу.

В середине 1970-х годов наблюдаем максимальную величину показателя, наиболее жесткую конкурсную ситуацию: поступить на дневное отделение в вуз мог лишь каждый четвертый выпускник дневной средней школы. Затем конкурсная ситуация смягчается, и с середины 1980-х годов величина ее показателя составляет около 2,5: дневные отделения вузов в состоянии принять каждого порога-третьего молодого человека, только что окончившего среднюю школу. В 1990-х годах дневные отделения вузов, куда устремляется основная часть выпускников школ, также могли принять каждого второго—третьего.

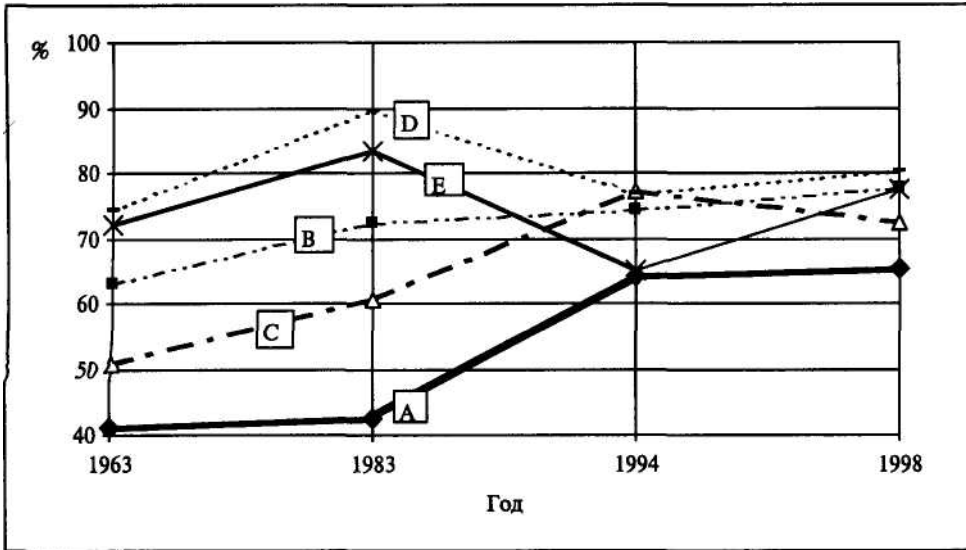

Рис.4 Детерминация поступления выпускниц школ г. Новосибирска, дочерей руководителей в вузы, % к численности групп

A — все выпускники области; B — дети руководителей; C — выпускники школ областного центра; D — дети руководителей из областного центра; E — дочери руководителей из областного центра.

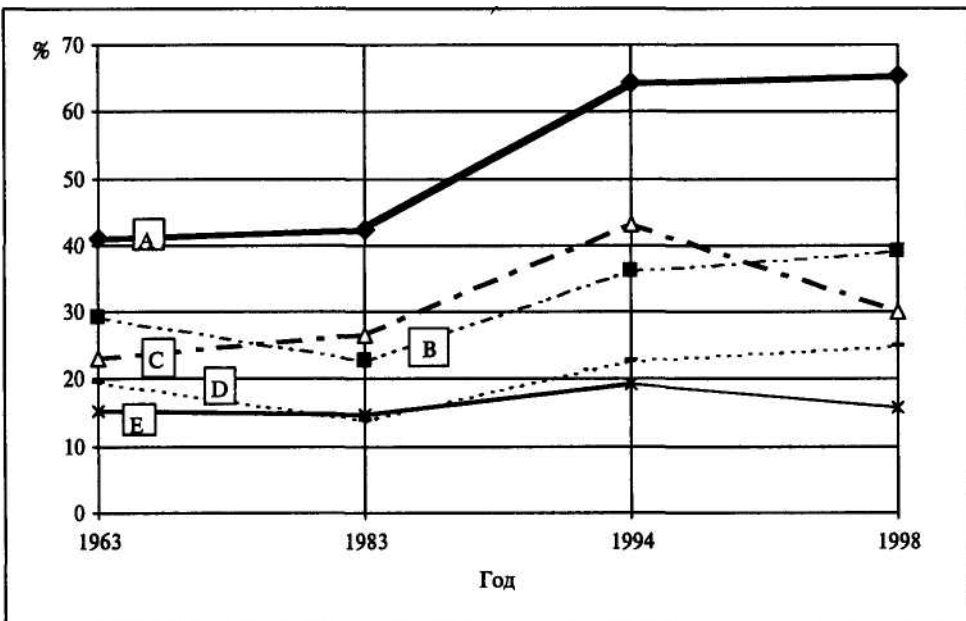

Рис.5 Детерминация поступления выпускниц сельских школ Новосибирской обл., дочерей крестьян в вузы, % к численности групп

A — все выпускники области; B — дети рабочих и крестьян; C — выпускники сельских школ; D — дети крестьян; E — дочери крестьян.

Самоопределение или адаптация?

Конкурс же в вузы был иным. Его динамика оказалась весьма сглаженной, в отличие от резких колебаний показателя конкурсной ситуации. Соотношение между выпуском из школ и приемом в вузы колебалось в пределах от 2,0 до 3,9 (размах колебаний — 1,9); а конкурс в вузах — от 1,7 до 2,3 (диапазон изменений — лишь 0,6, т. е. втрое меньше)⁶.

Частично объяснения различий в величинах и динамике конкурсной ситуации и конкурса заключаются в таких особенностях разных лет, как попытка введения всеобщего среднего образования, изменение престижа образования и его роли в формировании статуса индивида, общие изменения в сфере образования, обусловленные глобальными переменами в жизни страны. Менялась не только численность потенциальных претендентов на поступление в вузы, но и состав их по уровню образования; изменялись кумулятивные численности различных групп претендентов, например, «накопившихся» за предшествующий период выпускников прошлых лет — юношей и девушек, вследствие различных обстоятельств не реализовавших свои намерения поступить в вузы; менялось соотношение численностей «сильных» и «слабых» групп, определявшее баланс их возможностей. Все это, однако, не объясняет различий в величинах рассматриваемых показателей и их динамик полностью.

Разгадка странной динамики конкурса и соответственно не менее удивительного поведения многотысячных масс юношей и девушек, заканчивающих школу, состоит также в том, как они (и их родители, конечно) определяют свои стратегию и тактику при формировании решения относительно поступления в вузы. Ориентация на вуз еще не означает, что подросток будет пытаться поступать в год окончания школы. Формируя решение, поступать в вуз или не поступать, поступать ли в год окончания школы или отложить этот шаг, молодой человек и его родители принимают во внимание конкурсную ситуацию (притом не в статике, а в динамике). Они учитывают и положение в текущем году, и то, ухудшатся или улучшатся условия для поступления в будущем, и то, много ли накопилось потенциальных претендентов за прошлые годы, которые теперь будут конкурентами. Они принимают решение на основе небольшого объема информации, не имея обширных и достоверных статистических материалов, ориентируясь в основном на собственные наблюдения (например, зная, сколько в данной школе выпускных классов в этом году и сколько будет в следующем). Вместе с тем их прогноз, как правило, оказывается верен.

Такие предвидение и оценка выпускниками школ (и их родителями) динамики конкурсной ситуации, поведение выпускников на основе такого предвидения не гипотеза. Это доказано результатами, полученными в ходе исследования. При математико-статистическом моделировании динамики личных планов и шансов выпускников школ удалось учесть описываемую сторону их формирования, получив количественные зависимости показателей от прошлого и грядущего состояний конкурсной ситуации. Такие зависимости позволили значительно увеличить точность модели и сделанных на ее основе прогнозов

⁶ Здесь приведены результаты конкурса на дневные отделения вузов, высчитанные на основе статистических данных о численности подавших заявления о приеме и принятых на первый курс. В последние годы эти данные не дают представления о реальном конкурсе, поскольку абитуриенты могут подавать заявления в несколько вузов одновременно.

[Константиновский, Шубкин 1977, с. 105—111, 124—127]. Адаптация это или самоопределение?

Выбор студента — компромисс между учебой и не учебой

Материал для этой части статьи получен в ходе исследования не старшеклассников и подростков, только что окончивших школу, а студентов четвертых курсов российских вузов. Это исследование было предпринято для изучения вторичной занятости студентов, а также ситуации, в которой находятся студенты, совмещающие учебу с работой⁷.

В основном мнения студентов о совмещении учебы с работой, полученные в ходе обследования, носили позитивный характер. Однако итоги обследования выявили более сложную картину. Например, получены данные, судя по которым можно заключить, что вторичная занятость снижает успеваемость студентов. Очевидно, что время, затрачиваемое на работу, сокращает время, используемое не только на собственно занятия в вузе, но и на подготовку во внеучебное время. Поскольку это приводит к падению успеваемости, то правомерно сделать вывод, что в результате снижается уровень подготовки будущего специалиста. Такая ситуация) характерна не только для России, о чем свидетельствуют исследования, проведенные в других странах в период экономического кризиса 1970-х годов [Levy-Garboua 1976].

Анализируя причины происходящего, западные исследователи указывали на возрастающие расхождения между образовательными и профессиональными ориентациями студентов, с одной стороны, и действительными возможностями их реализации — с другой. Эти расхождения обусловлены развитием инфляции высшего образования, девальвацией ряда дипломов на рынке труда, ростом безработицы среди молодых дипломированных специалистов. Все эти процессы вызывают, по крайней мере, несколько типов социально-психологической адаптации студентов. Один из них заключается в том, что студенты изменяют модель объективного достижения профессиональных перспектив путем сокращения усилий, затрачиваемых на учебу и получение диплома, переставшего гарантировать доступ к социально привилегированным позициям.

Если считать, что сокращение времени на учебу ведет к понижению уровня получаемой подготовки, то можно утверждать, что равновесие между социальными потребностями студентов и теми перспективами, которые открывает им высшее образование, зачастую достигается ценой уменьшения объема и снижения качества знаний. Исходя из того, что наличие высшего образования в целом продолжает положительно влиять на будущее индивида, молодой человек не отказывается от поступления в вуз. Однако он стремится привести в соответствие количество усилий, вкладываемых в получение образования, с теми реальными преимуществами, которые ему может дать диплом в будущем, при том что эти перспективы сократились⁸.

⁷ Приводимая здесь интерпретация социального поведения студентов принадлежит Е.Д. Вознесенской и Г.А. Чередниченко, которым автор выражает благодарность.

⁸ По данным государственной статистики, направления на работу в 1999 г. получили только 44 % выпускников вузов, а среди безработных лица, имеющие высшее образование, составляли 10,8 % [Российский статистический ежегодник 2000, с. 119, 207].

Самоопределение или адаптация?

Длительные усилия и упорный труд, состояние материальной зависимости, необходимость финансовой поддержки на протяжении всех лет обучения, достаточно обременительной для семьи учащегося, — все эти условия, обязательные для успешного окончания вуза, не вполне оправдываются с точки зрения тех реальных перспектив, которые в большинстве случаев открывает наличие диплома. Сокращая усилия на учебу, студент выигрывает время и силы, которые могут быть употреблены на разнообразные эксперименты в сфере трудовой деятельности с целью установить и расширить различного рода контакты, позволяющие найти род работы, наиболее совпадающий с личными представлениями о призвании, об интересной работе, об адекватном вознаграждении за труд. Необходимо также иметь в виду, что время учебы в вузе связано не только с поисками в направлении получения профессии и трудоустройства, но и с самоопределением в более широком плане.

Действительно, студент в большой степени включен в «не учебу» (в работу и в досуг, молодежное потребление, позволяющее поддерживать студенческий образ жизни). Он по существу соразмеряет дивиденды, которые принесет диплом, вовсе не очевидные и во многом иллюзорные, с усилиями, затрачиваемыми на обучение.

Показательно в этом плане распределение ответов респондентов на вопрос о том, какая модификация студенческого образа жизни им ближе. Были предложены два определения: «Упорная учеба даже путем самоограничения в потреблении и развлечениях во имя успешного профессионального будущего» и «Студенческая жизнь — это особая пора молодости, о которой должно быть приятно вспоминать всю жизнь. Поэтому студент не должен отказываться от всех преимуществ своего возраста». Именно второй вариант ответа нашел самое большое количество сторонников. Не считают нужным идти на самоограничение во имя успешного профессионального будущего 81,3 % опрошенных. Однако в свете вышесказанного то, что по привычке хочется назвать инфантилизмом и беспечностью, в сегодняшних условиях оказывается выражением прежде всего новых форм социального поведения, избираемых поколением, которому выпало входить в общество, не предоставляющее былых гарантий в традиционной модели.

Таков еще один пример, в котором сочетаются, по-видимому, черты и адаптационного поведения, и самоопределения в новой социальной реальности. Необходимо добавить, что в пользу варианта самоограничения высказались тем не менее 17,3 % всех опрошенных. За «упорную учебу даже путем самоограничения в потреблении и развлечениях во имя успешного профессионального будущего» выступают в большей мере отличники (22,5 % против 9,7 % среди лиц с низкой успеваемостью), неработающие студенты (19,6 %), нежели работающие (14,6 %), и те, у кого характер работы в большей степени совпадает с приобретаемой в вузе специальностью (21,5 % против 9,4 % среди тех, кто работает не по специальности). Можно заключить, что все-таки есть такая часть студенчества, которая активно концентрируется на учебе, на ценностях образования и на перспективах профессиональной карьеры [*Константиновский, Чередниченко, Вознесенская 2002*].

Устойчивость жизненных траекторий: адаптация/самоопределение молодежи из разных социальных групп

Выше шла речь о различиях в личных планах старшеклассников средних (полных) школ в отношении своего ближайшего будущего, в частности дальнейшего социального поведения в сфере образования. Эти данные относятся к **1963—1998** гг. В ходе обследования, проведенного в 2001 г., были найдены те выпускники средних учебных заведений, которые составили выборку 1998 г. Это позволило увидеть, как складывались жизненные траектории на протяжении трех лет.

На рис. 6 показана степень реализации личных планов старшеклассников школ Новосибирской области, выходцев из семей с различным социальным статусом, на поступление в вузы. Этот показатель представляет собой отношение числа подростков, реально поступивших в вузы, к числу подростков, планировавших совершить такой шаг (в %). Показатель для 1998 г. — соотношение численности поступивших и численности тех, кто имел такие планы перед окончанием школы; показатель для 2001 г. — соотношение численности ставших студентами к концу трехлетнего периода и численности планировавших поступить в вузы при окончании школы.

Как видно, для детей мелких собственников показатель остался стабильным, небольшая часть детей специалистов покинули вузы (к этому вернемся позже), в остальных группах степень реализации личных планов возросла (причем студентами стали и те дети руководителей, которые при окончании школы об этом не помышляли: величина показателя степени реализации личных планов для этой группы превысила 100 %). В целом данные рис.6 свидетельствуют о том, что дети не только руководителей, но и служащих, рабочих и крестьян сумели за три прошедших года повысить степень реализации своих планов на поступление в вузы, компенсировав неудачи того года, когда они закончили школу (первая группа — с избытком, последние две — отчасти).

Это весьма оптимистический вывод, но интерпретацию данных придется скорректировать, если продолжить анализ; констатация факта останется, но изменится ее эмоциональная окраска. На рис. 7 приведены данные о том, какая доля подростков каждой из этих групп планировали, окончивая школу, поступить в вузы, какая доля подростков реально поступили в вузы сразу по окончании школы в 1998 г., и какая доля подростков стали студентами к 2001 г.

Четкая иерархия показателей, снижение их от группы к группе (от детей руководителей к детям рабочих) очевидны. Такова дифференциация в сфере образования, и такова ее устойчивость. Дети руководителей утвердили свое положение лидеров в ситуации конкуренции, а дети рабочих и крестьян остались аутсайдерами. Вернувшись к рис. 6, можно увидеть, что они и наименее реалистичны в оценке того положения, которое ожидает их в сфере образования: показатель степени реализации для этой группы далее, чем в других группах, отстоит от 100 % и в год окончания школы, и три года спустя.

То, что в количественном выражении личные планы детей специалистов и реальное поступление их в 1998 г. превышают эти показатели для детей руково-

Самоопределение или адаптация?

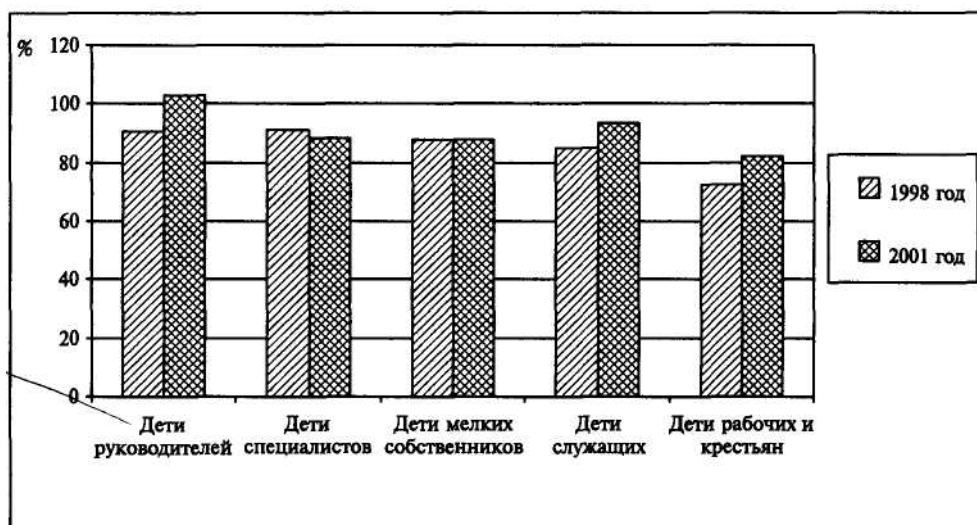

Рис. 6 Степень реализации личных планов старшеклассников средних (полных) школ Новосибирской обл. на поступление в вузы сразу после окончания школы и спустя три года

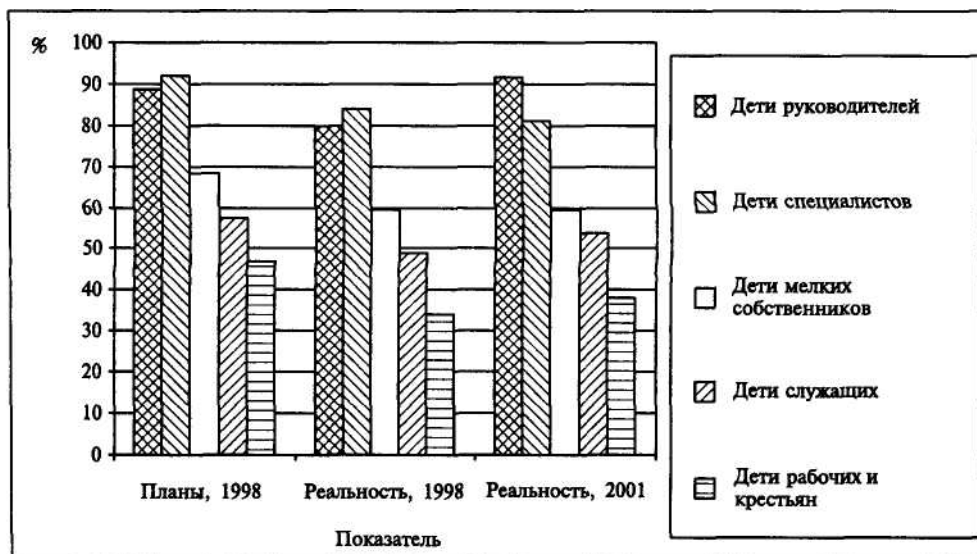

Рис.7 Личные планы на поступление в вуз и их реализация сразу после окончания школы и спустя три года старшеклассников и выпускников средних (полных) школ Новосибирской обл.

дителей, не меняет общей картины, так как здесь отражены только величины показателей, но не содержательная сторона происходящего. Что касается личных планов, то несколько большая, чем у детей руководителей, устремленность детей специалистов в вузы может быть легко объяснена. Более же выраженный успех детей специалистов при поступлении в вузы в действительности таковым не является: да, они поступают чаще, но они чаще поступают в такие вузы и на такие профессии, которые не являются престижными, не требуют платы за обучение[^] отличие от наиболее привлекательных, дефицитных мест в сфере образования. Те которые достаются детям руководителей [Константиновский 1999, с. 189—190]. Именно невысокой перспективностью (для жизненного успеха) профессий, доступных в вузах для детей специалистов, и небольшой доступностью для них в вузах перспективных профессий, возможно (по крайней мере частично), объясняется то, что часть детей специалистов, поступивших в вузы в 1998 г., к 2001 г. из вузов ушли.

Важно, что и три года спустя после окончания школы, несмотря на увенчавшиеся определенным успехом усилия детей служащих, рабочих и крестьян, соотношение шансов на получение высшего образования для выходцев из рассматриваемых групп сохранилось. Более того, некоторое нарушение порядка, выражавшееся в том, что в 1998 г. показатели для детей специалистов превышали показатели для детей начальников их родителей, за три года «естественным ходом вещей» устранено: в вузы поступили и те дети руководителей, которые не были нацелены на получение высшего образования, а часть детей специалистов вузовские аудитории покинули. Подлинное распределение жизненных перспектив, разделение между членами общества возможностей, существующих в нем, восстановлено. Именно перспектив и возможностей, потому что старт в сфере образования в значительной степени предопределяет будущее молодых людей.

Вывод, который следует из рассмотрения данных обследований 1998 и 2001 гг., может быть сформулирован таким образом. Мера соотношения адаптации к конкретной социальной ситуации и самоопределения в ней, сложившаяся в той или иной группе к моменту окончания средней школы (а он обычно определяется как жизненный старт или начало самостоятельного пути), сохраняется и в дальнейшем.

Следует напомнить также: социальный состав учащихся школ по мере продвижения к старшим классам формируется таким образом, что в выпуске из школ уже в наибольшей степени представлены выходцы из «верхних» групп и в наименьшей — из «нижних» данных исследования. В дальнейшем, как видно из приведенных материалов, это неравенство не устраняется, но закрепляется.

Заключение

Представленные выше эмпирические данные, по-видимому, можно объяснить следующим образом.

Во-первых, во всех рассмотренных случаях социального поведения в условиях меняющейся ситуации (независимо от того, какие социальные группы рассматриваются, от семей руководителей до семей крестьян, идет ли речь о

Самоопределение или адаптация?

школьниках вообще, старшеклассниках в частности, выпускниках школ, их родителях, студентах), можно обнаружить признаки и адаптивного поведения, и поведения, которое можно назвать самоопределением.

В то же время в социальном поведении одних групп преобладает самоопределение, в поведении других — адаптация. При этом чем выше положение группы в социальной иерархии, тем больше признаков самоопределения, и чем ниже — тем больше признаков адаптивного характера. Это видно на примерах формирования социального состава учащихся школ, личных планов старшеклассников в отношении их будущего, возможностей «слабых» и «сильных» групп в сфере образования, жизненных траекторий выходцев из разных слоев общества.

Во-вторых, исследование показало, что группы, обладающие значительными социальными ресурсами (например, выходцы из семей руководителей, молодежь крупных городов) не только преодолевают объективные трудности, в том числе такие, которые связаны с изменением социальной ситуации, но и эффективно используют обстоятельства для достижения более престижных позиций, в частности в области образования. Группы же, обладающие «более бедным» набором ресурсов, группы со «слабыми» ресурсами (сельская молодежь, выходцы из семей, не находящихся в привилегированном положении, и т. п.), оттесняются в сферы с меньшим потенциалом для построения жизненной карьеры. Таков результат конкуренции «сильных» и «слабых» групп в сфере образования.

Соотношение адаптации и самоопределения, таким образом, проявляется в различии шансов разных социальных групп на получение знаний и квалификации, в неодинаковой доступности учебных заведений, словом, в противоречии между декларируемым равенством прав на получение образования и существующей в действительности социальной дифференциацией в образовательной сфере.

Существенность и актуальность этой проблемы (ее правомерно рассматривать как проблему социетального характера) проявляются в нескольких взаимосвязанных аспектах.

Эта проблема непосредственно затрагивает вопросы демократии и неравенства, неизменно оказывается связанной с институтом образования в силу выполняемых им функций. И потому, что важна справедливость реального распределения самих по себе потенциальных возможностей, предоставляемых обществом в области образования, — возможностей учиться, получать знания, квалификацию. И потому, что образование, специальности, квалификация — ценности не только терминальные, но и инструментальные, способ достижения целей, капитал для инвестирования. Получение возможностей в сфере образования в значительной степени обуславливает социальную мобильность, доступ в дальнейшем к другим общественным благам, поскольку в развитом обществе освоение многих ролей, обретение определенных статусов практически детерминируется учебой в образовательных учреждениях, прохождением через формальные организации института образования.

Рассматриваемая проблема весьма значима также в плане использования интеллектуального потенциала общества. Привлекательность образования для молодежи, ее устремления в этой сфере, реальная доступность образования для выходцев из разных социальных групп по сути предопределяют завтрашний

уровень образования населения, численность и качество квалифицированных работников, что во многом является решающим с точки зрения современных тенденций мирового развития.

Данная проблема непосредственно связана и с состоянием рынка труда, в частности трудоустройством молодежи. Соотношение потребностей народного хозяйства в работниках той или иной квалификации по тем или иным профессиям, предложения рабочей силы, структуры системы образования, устремлений молодежи при выборе жизненного пути создают условия, в которых складываются различия в жизненных путях «сильных» и «слабых» групп. При этом сказывается влияние экономических и демографических процессов, степени автономности социальных институтов и др.

Особенно актуальной и в исследовательском, и в практическом отношении представляется эта проблема в условиях современной России. Вопросы демократии, неравенства, возможностей социальной мобильности крайне остры в условиях переходного общества. Нынешние процессы в экономике, современное состояние рынка труда заставляют с особым беспокойством относиться к тому, как складываются жизненные пути молодых людей, к вероятным негативным последствиям их неудач и неудовлетворенности. Эффективность использования интеллектуального потенциала в немалой мере обусловит, какое место займет Россия в быстро меняющемся мире. Каждая из сторон проблемы вносит свою составляющую в ее значение для формирования общественного мнения и государственной политики, разработки возможных мер социального управления.

Последние десятилетия — характерная эпоха перемен. Она подвергает людей многим испытаниям. Социологу, такова уж эта профессия, тем самым предоставляется обширный материал для исследований. Справедливости ради необходимо заметить, что ученый не только фиксирует; он разделяет с современниками все, что выпало на их долю.

Российские социологи независимо от своей воли оказались в условиях естественного эксперимента, проснувшись однажды, по выражению замечательного поэта Б. Чичибабина, в другой стране. На самом деле не однажды. Таким образом, мы получили возможность измерять параметры процессов при изменении условий их протекания, как это доступно, например, физику или химику при проведении лабораторного эксперимента. Сюда, в частности, относится и исследование трансформационного поведения в различных его проявлениях, которое планируется продолжить в рамках нового исследовательского проекта.

Литература

- Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
- Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му), М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М: ЦСО РАО, 2000.
- Константиновский Д.Л. Институт образования и социальное неравенство // Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 144—161

Самоопределение или адаптация?

- Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н.* Молодежь и образование. М.: Наука, 1977.
- Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д.* Российский студент сегодня: учеба плюс работа. М.: Изд-во ЦСП, 2002.
- Положение молодежи в Российской Федерации: Доклад Государственного комитета по делам молодежи Правительству Российской Федерации. М., 1996.
- Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 2000.
- Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985.
- Чесноков С.В.* Детерминационный анализ социально-экономических данных. М.: Наука, 1982.
- Штомпка, П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. №1. С. 6-16; №2. С. 3-12.
- Шубкин В.Н.* Социологические опыты. М.: Мысль, 1970.
- Шубкин В.Н.* Начало пути. М.: Молодая гвардия, 1979.
- Ядов В.А.* Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микро-уровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.Н. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310-319.
- Ginzberg T., Ginzburg S., Axelrad S., Herma S.* Occupational Choice: an Approach to a General Theory. N.Y., 1954.
- Hyman, H.H.* The Value Systems of Different Classes // Class, Status, and Power / Ed. by R. Bendix, S.M.Lipset N.Y.: The Free Press, 1966.P.488-499.
- Levy-Garboua L.* Les demandes de lyetudiant ou les contradictions de l'faniversite de masse // Revu francaise de sociologie. 1976. № 3.